

Есенин и Маяковский!.. Маяковский и Есенин!..

Ничего нет гнуснее, чем гнусно подтасовывать мамонтовы страсти под свою литературную паутину. Но паутина - паутина. А мамонт - мамонт. Паутина - пауку. А мамонт - вечности, легенде. Да и соловья хрипунами не переплюнуть: горло прокурено...

Замени-ка собою есенинское, храмовое, исповедальное:

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

А Маяковский? Прямой, открытый, отважный искренностью, доступностью, корневитостью:

Я -

дедам казак,

другим -

сечевик,

А по рождению

грузин.

Род Маяковских - благородный русский род. Офицерские погоны на государственном мундире лесничего Владимира Константиновича Маяковского, отца поэта, посверкивали демократично, иначе не появился бы под крышей их дома такой горлан-бунтарь, глазастый и неукротимый! А мать? А сестры? Лица умные, есть в них что-то от самопожертвования витязей, наших былинных защитников. Все Маяковские - люди орлиного поведения!

Владимир Маяковский - не бронепоезд, рокочущий лишь по рельсам, однажды на них накатившись:

Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людам страшно - у меня изо рта
шевелит ногами непрожеванный крик.

Мне не раз приходилось объяснять, почему нельзя, вредно “ссорить” Владимира Маяковского и Сергея Есенина, разделять их, отрывать друг от друга, и почему нельзя вредно упрекать их в “податливости”. Одна эпоха. Одна Революция, одно страдание. Один народ. Живые, они прекрасно смотрелись в нашей стране, среди нашего народа, действительно - бессмертные!.. Но не податливые к властям, а прозорливые:

Их давно уже нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,
Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Есть в них, в Есенине и в Маяковском, удивительное чувство, чувство, ранящее тебя пронзительным обязательством перед страной, перед самим собою.

Не умели они, приезжая в Америку, вздыхать: “Мы - самые квелые, мы - самые несчастно-затюканные, мы - самые неряшливые и замурзанные!”

Да, действительно, вроде рокочущего вулкана, извергая красные гранитные глыбы стихов и поэм, Владимир Маяковский находил час и день для насмешек, для едкой иронии, для беспощадной сатиры.

В стихотворении “Американские русские” Маяковский рисует нам охотников сыто путешествовать. Охотники той, минувшей эпохи, а всмотришься - наши диссиденты:

“Петров Капланом за пуговицу пойман. Штаны залатаны, как балканская карта. “Я вам, сэр, назначаю апойнтман. Вы знаете, кажется, мой апартман? Тудой пройдете четыре блока, потом сюдой дадите крен. А если стрикара набита, около можете взять подземный трен. Возьмите с менянем пересядки тикет и прите спокойно, будто в телеге. Слезайте на корнере у дроге ликет, а мне уж и пинту принс бутлегер. Приходите ровно в севен оклок, - одни свои: жена да бордер. А с джабом завозитесь в течение дня

или раздумаете вовсе - тогда обязательно отзвоните меня. Я буду в офисе”.

“Гуд бай!” - разнеслось окрест и кануло ветру в свист. Мистер Петров пошел Яа Вест, а мистер Каплан - на Ист. Здесь, извольте видеть, “джаб”, а дома “пуп” на “пус”. С насыпи язык летит на полном пуске. Скоро очень образованный француз будет кое-что соображать по-русски. Горланит по этой Америке самой стоязыкай народ-оголтец. Уж если Одесса - Одесса-мама, то Нью-Йорк - Одесса-отец”.

И “тудой”, “судой”, и “меняньем пересядки”, как “Он на торговой даст, будь здоров”, - Галича или Высоцкого “Мишка Шифман башковит, - у него предвиденье”, знакомо до тоски...

Маяковский спрашивает:

Почему

безудержно

пишут Коганы?

Были у Маяковского и у Есенина скоропалительные восторги пред новой эпохой, перед ее “переделыванием” всего и вся? Были. У Сергея Есенина - по-крестьянски, с оглядкой, у Владимира Маяковского - безоглядные: его “Брать пример с кого”, его поименные перечисления руководителей были, и это не ушло, не “кануло”, а повлияло.

И сейчас еще тошнит от симоновской холопщины:

Россия!.. Сталин!.. Сталинград!..

Да и только ли это, да и только ли у Симонова?

Мы на Урале, мальчишки-первоклассники, хороня крестьян, умерших от голода, опухшие от недоедания сами, зубрили наизусть, погоняемые ошалелыми учителями, эту преступную графоманию.

Смерть Есенина - беспощадное разочарование. Смерть Маяковского - тоже! Но - ни строки лжи у Есенина. Но - ни строки безверья и у Маяковского. Даже безграничная его ирония, даже в плавающей камни насмешке его не было “самоотторжения” от судьбы того человека, кого он высмеивает, Маяковский такой - плачет, злится, издевается, а все как бы и над собою, а все как бы вместе с тем, о ком говорит:

Сзади с тележкой баба.
С вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам.
Сбивает ставши в хвост на галоши,
то грузовик обдаст,
то лошадь.
Балансируя -
четырёхлетний навык! -
тащусь меж канавищ,
канавок.
И то -
на лету вспоминая маму -
с размаху
у почтамта
плюхаюсь в яму.
На меня тележка.
На тележку баба.
В грязи ворочается с боку на бок.
Что бабе масштаб грандиозный наш?!
Бабе грязью обдало рыло,
и баба,
взбираясь с этажа на этаж,
сверху и меня
и власти крыла.

Маяковский корит время, страну, людей, рычит, по-львиному поднимает “лапы”, а сам - добрый. Вот вам и суть поэта, поэта, грезящего уютом, порядком на Родине.

О том же - нежно, печально, печально Есенин:

Милые березовые чащи!
Ты, земля! и вы, равнин пески!

У совестливого - Владимир Маяковский требует осторожности, у разумного - уважения. Не торопись проходить мимо работающего вулкана, подумай о нем, о прошлом и о грядущем, ведь работающий вулкан - сердце поэта. Подумай о Сергее Есенине - голубом облаке, звенящем и неповторимом, плывущим над тобою, над краем твоим, Россией твоей, подумай.

Есенин, пускаясь по Европе, по ее странам, вроде аж насторожился - что там, в классическом обществе процветания и сытости? Они покончили с собою, улавливая запах великой безвинной крови, ползущей из Кремлевских ворот... Но первые жертвы - Николай Гумилев и Александр Блок.

* * *

Годы репрессий, годы запрета, годы застоя, не годы - десятилетия сделали свое дело: в столах писателей скопилось огромное количество произведений, не увидевших вовремя света, честных, нужных, принесших бы, если бы их напечатали сразу, по завершению работы над ними, большую пользу культуре, обществу, государству, особенно - нашим идеологам, политикам, бюрократии, совершенно отвыкшей от критики, дискуссий, нормальных противоречий, призванных выяснять истину, а не гробить нерасхожее мнение.

Запрет на Розанова, Бунина, Флоренского, Зарубина, Гумилева, Клюева, Пильняка, Ходасевича, Хлебникова, Волошина, Кузмина, Есенина, Булгакова, Зощенко, Ахматову, отречение СП от Пастернака и Солженицына, уничтожение Павла Васильева, Бориса Корнилова, Алексея Ганина, Дмитрия Кедрина, - выброшен из вагона электрички, думаю, не без участия "бдительных" сил. Да и Марина Цветаева - затравленная жрица. До сих пор неловко брать в руки ее книги: вернувшуюся на Родину, привезшую домой детей, довести до самоубийства! А Платонов?

Почему мы сейчас не показываем черную роль, злейшую роль в нашей литературе Леопольда Авербаха? Он первый начал топтать Платонова, первый призвал к травле, определив его, как "классового врага". Рассказ Платонова "Усомнившийся Макар" не нашел защиты и у Фадеева, Серафимовича. Увы, к ним, усердно осуждая рассказ, примкнул и Шолохов. Правда, позже Шолохов "депутатски" возвращался к имени Платонова, но Платонова уже похоронили. Может, Шолохова мучил червь сомнения?..

Зависть, злоба, клевета, доносы часто в те годы сопровождали талантливого человека от первой его книги и до могилы. Почему так легко соглашались писатели отдать "во враги", отдать на расстрел безвинного собрата?

Наши потомки никогда не забудут и не простят смерти Николая Гумилева, никогда. После "Реквиема" мы увидели в Анне Ахматовой, осмеянной, оскорбленной, истерзанной травлей, горем, трагедиями, черты России. Сына ее более двух десятков лет морили по казематам, вырастили, можно сказать, в тюрьмах. А за что? За отца, романтического поэта Николая Гумилева? За мать, поэтессу Анну Ахматову?

Кто творил беззакония? Разве один Леопольд Авербах? Разве сам Сталин занимался отправкой на каторгу писателей? Где та мафия? Где ее щупальца ныне? В каждой тюрьме скрипели ширококоротые ворота. В ширококоротых воротах стояли мелкие ширококоротые палачи. Но от них, мелких палачей, убегали ступени вверх - до самой

Спасской башни. И на каждой ступени дежурил “справедливый” палач.

Ягода Генрих Григорьевич (Гершель) - нарком внутренних дел, Агранов Яков Самуилович, первый заместитель Ягоды. Начальники отделов НКВД: Гай, Самуилович, первый заместитель Ягоды. Начальники отделов НКВД: Гай, Миронов, Паукер, Слуцкий, Шанин, Добродицкий, Иоффе, Берензон. Начальники Главного управления лагерей (ГУЛАГ): Берман, Нахим-сон, Френкель. Их заместители: Фирин, Раппопорт, Абрамсон. Начальники крупнейших концлагерей: Коган (Беломорстрой и ДМИТЛАГ: канал Волга - Москва), Биксон (СИБЛАГ), Сер-пуховский (Соловки), Филькельштейн (лагеря Северного края), Погребинский (лагеря Свердловской обл.), Мороз Яков Моисеевич, свояк Ягоды (Печорский лагерь). На местах начальник управлений: Абрампольский, Балицкий, Блат, Гоглидзе, Гоголь, Дерibas, Заковский, Залин, Зеликман, Карлсон, Кацнельсон, Круковский, Ленлевский, Пилляр, Райский, Реденс, Суворов, Троцкий, Файвилович, Фридберг, Шкляр (“Магаданский комсомолец”, 1989, 7 января.).

Некоторые палачи разделили участь собственных жертв: Ягода, Коган, нарком земледелия Яковлев (противоестественное сочетание - земля в руках палача!), а их кое-кто пыжится “присовокупить” к “жертвам сталинизма”! Мы не знаем еще имен писателей, отказавшихся уличать, доносить, сюсюкать. Мы не знаем имена чекистов, отказавшихся страшить, пытать, убивать. Но мы точно знаем, были такие писатели, были такие чекисты! И в те черные годы, и в годы менее черные... Надо назвать их имена, это - опора наша. Защита всего того, что осталось прочного, настоящего, необходимого нам и нашим детям!

Отъезд за границу соотечественников, призванных на русскую землю творить, возвеличивать ее, - потеря ужасная, и если бы многие не возвратились, физически или произведениями, потеря эта давила бы на поколения гораздо тяжелее, чем давит. Ну, допустим, вдруг потеряли бы Есенина? Потеряли бы Блока? Потеряли бы Маяковского? Представить страшно.

Самобытность, национальная ответственность их слова - на устах у народа, в сердце народа, в деле народа.

Хоть и говорит Евгений Евтушенко: мол, не всегда народ достоин уважения, но разве народ, потерявший миллионы сыновей в годы репрессий, виновен? Виновны троцкие, Сталины, “вожаки”, виновны “предводители”. А народ, любой - честный народ. С честными и умными вожаками - честный, а с неумными и бесчестными - несчастный.

Но именно народ обвиняют сейчас! И не один Евтушенко. Уехал от нас Иосиф Бродский... Уехал обиженный, оскорбленный. Теперь Нобелевскому лауреату Иосифу Бродскому отвратительно даже вспоминать Родину. Вот он и называет ее “моя бывшая страна”, “страна, в которой я когда-то жил”, нельзя, дескать, в нее вернуться, как нельзя возвратиться в прошлое... Родина - прошлое? Пусть унизившая его. Впрочем, разве она унизила?

Не так давно я внимательно прочитал довольно солидный том произведений Иосифа

Бродского, изданный на западе. Удивительно: как все-таки иные наши газеты перевирали поэта! В стихах Иосифа Бродского нет прямой враждебности к “строю”, нет “политики”, банальной антисоветчины. Есть обычная чуж-досторонняя наблюдательность человека, много читающего, много думающего о себе, о жизни, о странах, где он временно останавливался, о народах, среди которых он временно находил приют.

Есть в творчестве Бродского некая туристская поспешность: сегодня интересуюсь этой зоной, а завтра переберусь в другую. Нет озабоченности о крае, о том, что кормит, поит, делает самобытным!..

* * *

Как-то я рассказал в журнале “Советский воин” о стихах, где автор, Бродский, сообщает про “интимно проведенную им” ночь с Пушкиной Натали во сне... Мне возразили: мол, кто-то “За Бродскую” подсунул тебе подобные стихи. Может быть. Но за Есенина есенинские стихи никто не подсунет. Да и за Павла Васильева тоже. Беда стихов Иосифа Бродского в том, что они похожи на отполированные кости. Есть фигуры из этих костей. Есть эротические ребусы. Есть хаотические изыскания. Есть почти “афористические” выводы. Но - кости. Сухие. Древние. Хранящие в себе мертвое состояние. Бескровная неподвижность. Песок. Камень. Слюда.

А когда слово - не слово, а археологическое вещество, тогда и любой замысел, пусть и очень новый, не способен обрести новую форму, новую страсть, новый ритм, новый облик, соответствующий духу языка, духу народа, облику народа. И все-таки до сих пор не могу смириться: Родина - прошлое! Слово - прошлое! Язык - прошлое! Прав, судя по его стихам, Иосиф Бродский, прав, именно так он и относится к России, умеренно-корыстный “дома” и в чужой обстановке:

Пленное красное дерево частной квартиры в Риме.
Под потолком - пыльный хрустальный остров.
Жалюзи в час заката подобны рыбе,
перепутовавшей чешую и остов.

Далее - не менее оригинально, но мертво:

Месяц замерших маятников (в августе расторопна
только муха в гортани высохшего графина).
Цифры на циферблатах скрещиваются, подобно
прожекторам ПВО в поисках серафима.

Месяц опущенных штор и зачехленных стульев,
плотного двойника в зеркале над комодом,
пчел, позабывших расположение ульев
и улетевших к морю покрыться медом.
Хлопчи же, струя, над белоснежной, дряблой
мышцей, играй куделью седых подпалин.
Для бездомного торса и праздных граблей
ничего нет ближе, чем вид развалин.
Да и они в ломаном “р” еврея:
узнаю себя тоже; только слюнным раствором
и укрепляешь осколки, покамест Время
варварским взглядом обводит форум.

Далее - опять не менее оригинально, но мертво:

Лесбия, Юлия, Цинтия, Ливия, Миткелина.
Бюст, причинное место, бедра, колечки ворса.
Обожженная небом, мягкая в пальцах глина -
плоть, принявшая вечность как анонимность торса.

Не будем останавливаться на созвучиях типа “какано”, есть еще “точнее”: “И как книга,
раскрытая сразу на всех страницах”, “как-кни”, не будем, их в одном стихотворении
более чем достаточно. Но и вся книга, да и все разбираемое мною стихотворение -
мертвые кости. А это стихотворение - лучшее у Бродского, и строки, приводимые здесь, -
не худшие в нем...

Я не уличаю, не критикую Бродского, не считаю его стихи плохими, ненужными,
бесталанными. Они - чужие. На русском языке сделанные. Смонтированные
расчетливым инженером.

Слово для Иосифа Бродского - материал, найденный в слоях, в породах чуждой
цивилизации, чужой культуры, дающей ему возможность твердо напомнить о себе, -
мертвым для него словарем, языком. Если бы Иосиф Бродский творил на своем родном
языке, он, вероятно, стал бы настоящим поэтом, зорким, обобщающим и живым, и не
возникло бы самонадеянной причины у него, еврея, давать зарубежным изданиям и
радиостанциям интервью от имени русского.

В них поэт поведал нам, живущим дома, в России: мол, эта страна - голодный слон. Она
не знает, куда ей двинуться. А голод мучит. Пойдет назад - там уже побывали слоны и
все, что можно съесть, съели, а остальное - вытоптали. Посмотрит вокруг - съедено и

вытоптано. Пойдет вперед - там тоже побывали слоны... Эта страна-слон, по мнению Иосифа Бродского, должна взбеситься и накуролесить.

Разве могла Марина Цветаева с таким мертвецким равнодушием говорить об измученной России? А Есенин, и разве бы он так хоронил Россию? Но не надо нам хвататься за фразы, брошенные поэтом, хотя Иосиф Бродский долбит такое в уши планете, нам в уши. Долбит - как бы со стороны, не печалась, не плача, не гневаясь. И он по-своему прав. Посторонний.

Пресмыкание же иных наших мелкотравчатых “вздоховедов” перед именем Иосифа Бродского, пресмыкание их перед Нобелевской премией - мышинная вакханалия на ниве отечественной литературной бесхозяйственности, где разбросаны не просто золотые зерна, а вороха золотых урожаев. На родине Павла Васильева, Николая Гумилева, Николая Клюева - ни музеев, ни усадеб, ни даже мемориальных досок, ничего нет. Равнодушие? Расчетливое забвение?

Александр Твардовский не получал Нобелевскую премию, но - автор “Василия Теркина”, а Сергей Есенин?..

Неужели достаточно сбежать - очутиться талантливым? Читая стихи Галича, я испытываю все то же ощущение: человек со стороны. С чужим для него языком, с личной драмой в чужом народе. Он доказывает, что мыкался у нас, холодал, голодал, безвинно овиноватенный, непризнанный, и, видимо, острее, чем Иосиф Бродский, униженный. “Двадцать лет творчество Александра Аркадьевича Галича, да и само его имя находилось под запретом. 12 мая этого года Союз кинематографистов СССР восстановил А. Галича в правах, подчеркнув, что “это восстановление справедливости”. Спустя два месяца и Союз писателей последовал доброму примеру, - давала аннотацию к подборке стихов Галича “Литературная Россия” в 1988 году.

В интервью радиостанции “Свобода” Бродский на вопрос, как оценивает он роман Рыбакова “Дети Арбата”, изрек: “Макулатура!” Александр Галич не дождался счастья оценивать нынешние бестселлеры, но песни его еще и сейчас кое-где популярны. Не в народе, в народе они никогда не были и никогда не будут популярны. Их, эти песни, возили в магнитофонах, в такси, в поездах, в самолетах заблатненные хмыри, интеллектуальные бездельники, умные алкаши, воспитанные ненавистники нормального образа жизни. Но человек, уважающий свою национальную поэзию, не возит песен Галича, не носит их за пазухой.

Был ли Галич запрещен? Нет. Его песнями забазарили, “проспиртовали” все вокзалы, пристани, аэродромы еще тогда, когда их автор жил в Москве, собираясь (или не собираясь еще) отчалить за границу. Кому же надо было замыкать песни Галича на “запрещенности”, на “подпольности” и для чего, не для того ли, чтобы придать этой заблатненности окраску крамолы, тон социальной взрывчатости? Такой товар ходовее...

Но многие тюремные стихи, сочиненные сталинскими узниками, и сегодня трагичнее и долговечнее бродско-галических стихов, и блатные песни тех “железных времен” и

сегодня блатнее песен Высоцкого. Да и запрещался ли Высоцкий? Высоцкий- актер, сыгравший десятки ролей на сцене и в кино, посещавший заграничные курорты. Галич и за границей не стал русским Иваном Буниным, Высоцкий не стал русским Шаляпиным.

А что дали они за границей? Ничего. Заграница моментально “немошь” их “усекла”... Нашему обывателю их отъезды тоже ничего не дали: ведь стихи и песни их распространялись в миллионных экземплярах, сам я покупал “ксерокопии”, правда, читать долго не мог. А Высоцкого, после его знаменитых самоисполнений, читать вообще нет смысла. Не мог воспринять “чудо” вдохновения:

А у тебя самой-то, Зин,
Приятель был с завода шин.

Даже и “Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее” не воспринимаются как самостоятельные строки, они чужие, с чужого “плеча”, и трагизм Высоцкого - наигранный, чужой, против истинного национального трагизма он распутно-забубенный, торговый, шумный.

Теперь Высоцкого сравнивают с Есениным, Галича - с Некрасовым, Бродского - с Пушкиным. Сравнивают каждый день - по графику...

Галича, Бродского, Высоцкого сделали “запрещенно-знаменитыми”, у нас и у вас купили билеты на “смотр” в заграницу. А не будь этого спектакля? Присудили посмертно Высоцкому Государственную премию СССР - интерес к нему тут же заколебался. Уже на могиле свежие цветы не только у Высоцкого... Высоцкий лежит недалеко от Есенина, почти рядом, но между ними какое “НО”, и это “НО” будет непременно расти. Высоцкий в том не виноват.

Если бы не было “запрещенности”, “подпольности”, то не было бы и сегодняшнего “дыма” у нас, не было бы тарабарщины по различным “Голосам” и “Свободам”. Не было бы и недоумения у серьезных интеллигентов Запада: “Орут о русских писателях на каждом шагу, а читать у них нечего!”

Не надо Александра Галича путать и с Александром Солженицыным. Странствие страдания рознь. Галич, оказывается, еще в пионерском галстуке посещал литературные кружки, даже “при всех и вслух” отмечен самим Эдуардом Багрицким. Вот как! А мы-то, простаки, считали: Галич кайлил, голодал, кайлил, голодал, да и выплакал горе русскому народу:

Подстелила удача соломки,

Охранять обещала и впредь.
Только есть на земле Миссалонги,
Где достанется мне умереть.

Где, уже не пижон и не барин,
Ошалев от дорог и карет,
Я от тысячи истин, как Байрон,
Вдруг поверю, что истины нет!

Будет серый и скверный денечек,
Небо с морем сольются в одно,
И приятель мой, плуг и доносчик,
Подольет мне отраву в вино.

Упадет на колени тетрадка,
И глаза мне затащит сюда,
Я скажу: - У меня лихорадка,
Для чего я приехал сюда?!

И о том, что не в истине дело,
Я в последней пойму дурноте,
Я, мечтавший и ночью, и денно
О несносной своей правоте!

А приятель, всплакнув для порядка,
Перейдет на возвышенный слог
И запишет в дневник:

“Лихорадка”.

Он был прав, да простит его Бог.

Искренне как будто, стихи, а не веришь. Шибает псевдоромансом, будто - сыграно, с чужого “плеча”, чужое. Или автор играл все время кого-то, понравившегося ему искренностью, наследственной естественностью? Игра удалась.

А чего стоят “и глаза мне затащит сюда”, “где достанется умереть”, “будет серый и скверный денечек”, - взято “напрокат”, не свое, не кровное, смахивающее на резюме Бродского: “пчел, позабывших расположение ульев и улетающих к морю покрыться медом”. “Покрыться” - имеет тут более грубый “животный” смысл и назначение, нежели автор выбранному слову поручает. Опять обожженная пустыней желтая кость.

Трагедия Бродского, Галича - беда одинокого. Трагедия Есенина - кровь народа. Потому и не пришел великий язык великого народа к поэтам так называемой “третьей волны”. А

язык - душа и разум народа, внутреннее око человека. Не фотография времени, а внутреннее - лунное тоскующее око.

Галич не замечает безнравственности беллетризации народной трагедии. Там, где у Шаламова - скорбь, заставляющая отказаться от всех ухищрений литературности, у Галича - стихотворная беллетристика.

Галич - Галич. Начинается не скорбь, а пляска возле гроба, пляска скелета:

А там, в России, гае-то есть Ленинград,
А в Ленинграде том Обводный канал.
А там мамонька жила с лапонькой,
Назвали меня "лапонькой".
Не считали меня лишнею,
Да и дали им обоим высшую!
Ой, Караганда ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-гора года!
Дала двадцать лет, дала тридцать лет,
А что с чужим живу - так своего-то нет!

Далее - повествуется, как "взял" он ее нахрапом:

А он, сучок, из гулевых шоферов,
Он барыга, и калымщик, и жмот.
Он на торговой дает, будь здоров! -
Где за руль, а гае какую прижмет!
Подвозил он меня -раз в Гастроном,
Даже слова не сказал, как полез,
Я бы в крик, да на стекле ветровом
Он картиночку приклеил, подлец!
А на картиночке площадь с садиком,
А перед ней камень с "Медным всадником"!
А тридцать лет назад я с мамой в том саду...
Ой, не хочу про то, а то я выть пойду!

Да и незвучное "с садиком" - ради с "Медным всадником", могло быть поприличнее, поскольку юродства хватает и так, но даже и юродство - подделка под юродство. Неискренность, а вернее, лжеискренность подводит Галича, лишает ситуацию

достоверности, не вызывает естественного участия с несчастной.

А несчастная - дочь генерала, расстрелянного, дочь матери, расстрелянной, разрешит ли, сама пройдя через каторгу, играть с собою нахалу? Если и разрешит - пусть автор найдет психологические доказательства, а здесь - хмырь: шофер - хмырь, автор - хмырь. Разумеется, Галич не хотел такого плоского результата от "Песни - баллады про генеральскую дочь"...

Помню, в "Огоньке" я увидел фотографию: три женщины, крестьянки, держат в руках трех поросят. Женщины - лица добрые, славянские, озабоченные работой и нуждой. Поросята - ухоженные, ликующие, боевые. Под фотографией подпись: "Три богатыря - Илья Муромец, Добрыня Никитич, Олеша Попович". Ну, допустим, фотограф или журналист хотели хорошего, не намеревались оскорбить святыни, но мало ли они о чем думали, чего хотели, важен - расистский факт. И "факт" этот долго будет работать не в пользу журнала: расизм заметят...

* * *

И все-таки надо было их печатать. Надо было печатать Бродского, Галича, Высоцкого, Солженицына. Надо было печатать романы "Касьян Остудный" Акулова, "Кануны" Белова, "Мужики и бабы" Можаяева, "Кончина" Тендрякова. Печатать полностью, не скребя по страницам, не выбрасывая. Я знаю, по работе в журналах, в издательствах, чего стоило - выдать на прилавок смелую книгу. И сколь многие соблазнились звучной имитацией правды - тоже знаю.

Ведь шел же в застойное время, да и тогда, при Сталине, Евгений Евтушенко парадом! Вот его "Строители Волго-Дона" (жури. "Смена", 1952, № 13):

Я не был на трассе,

не рыл канал,

не управлял земснарядом.

На экскаваторе

я не стоял

С Иваном Ермоленко рядом.

Но сегодня,

когда взлетают ладони,
когда у всей страны торжество,
я говорю
от имени тех,
кто не был на Волго-Доне,
и все-таки
(я утверждаю!)
строил его!
Геолог,
искавший руду в Зауралье,
шагавший тайгою,
быть может, не знал,
что эта руда,
ставшая сталью,
скрепером
будет
строить
канал!
Московские верхолазы,
высотных домов строители,
перекрывая строки,
строя
за домом дом,

не были на Волго-Доне,
трассу его не видали,
но сила их примера
строила Волго-Дон!
Я ходил недавно
с друзьями
в Дом-музей Маяковского.
Маяковский!
Здесь жил,
здесь работал он!
Под стеклом,
на столе его,
рядом с набросками,
чуть надорвана
пачка папирос "Волго-Дон".
О чем с папиросой
он думал долго,
мечтал о чем
в папиросном дыме?
На пачках синим -
Дон и Волга,
и красным -
линия между ними...

Я знаю:

на трассе,

у берега волжского,

свою мечту

одевая в бетон,

в первых рядах

стихи Маяковского

строители Волго-Дон!

У нас,

глядящих в завтрашний день

пристально,

зорко,

смело,

нету “больших”

или “малых” дел, -

есть общее наше дело!

И каждый,

кто Родиной нашей вызван

в дали грядущих времен,

каждый,

кто строит

в стране

коммунизм,

строил

Волго-Дон!

Задорные стихи. Но задор-то “фиктивный”, неискренний, чужой и страсти чужие, и радость чужая, с чужого “плеча”. А стихи написаны Евгением Евтушенко молодым, даже юным, они бы как раз должны были нести на себе отпечаток абсолютной искренности. Но трудно, особенно молодому, петь искренне, когда знаешь о миллионах людей, томящихся в лагерях, а Евтушенко знал, он сам не отрицает это в поздней вещи “Фу-ку”, да и в других свои вещах. Прекрасно знал. Знал он и о Сталине кое-что из того, что стало известно широкому читателю только сегодня. Знал - и раболепствовал:

Слушали и знали
оленоводы-эвенки:
это отец их - Сталин
счастье вручил им навеки!

Равнодушие к тем, от чьего имени, жизни, языка, истории и страданий говоришь, равнодушие и безучастность позволили автору опуса о Сталине, восхваляемом, “перевернуться вокруг оси” и выдать иное - “Наследникам Сталина”, где гробовой вождь мечтает до “неразумных” солдат, выносящих его саркофаг, “добраться”. Вчера Евтушенко, буквально, аллилуйничал, сегодня, “высунувшись” в окно, как в деревне, бранится.

Сталина восхваляли многие: Симонов, Инбер, Рыбаков, Исаковский, Алигер, Катаев, Сурков, Безыменский, Маршак, Полевой, Щипачев, Эренбург, Твардовский, Пастернак обнародовал “посвящение” и не тайно переводил поэтов Грузии, - кормчий слышал. Пастернак ощущал, что кормчий слышит... Но - мучился Пастернак, замолчал после патетической симфонии вождю Исаковский, долго и тяжело “перебалевал” Твардовский. Даже дробящий колымские руды Борис Ручьев “перебалевал” сталинским временем до скончания дней. Шолохов унес любовь к Сталину с собою. А Евгений Евтушенко мигом сделался одним из самых чтимых поэтов у Леонида Ильича Брежнева, свежего вождя. В воспоминаниях Никиты Сергеевича Хрущева - “Женя хороший парень”... А Брежнев, до вставной челюсти, цитировал за дачным столом соратникам строки из Евтушенко. Пятизвездный малоземельский маршал и вождь наизусть запомнил две его строки:

Со мною вот что происходит:
Ко мне мой старый друг не ходит...

Две - и запомнил! Ведущие газеты при Брежневe щедро поставляли в народ стихи “хорошего парня”, но “хороший парень”, почуяв “жареное”, лихо, когда разрешили, обрушился на “пятизвездное застойное время”. Как всегда - с наигранной искренностью:

Трус неглупый,

вор неглупый

перестройку

под себя перестилают,

словно койку,

Трусы прежние

в герои суются,

словно трусы Советского Союза.

Все с компьютерами

жулики цифирные.

Перестроившийся вор -

квалифицированной.

И - далее, в том же крючковатом стиле!

А сам Евтушенко - герой? Ну я понимаю: нельзя было при Сталине ему, да и не только ему, храбриться. Но ведь сейчас-то быть смелым “задним числом” стыдно. Наверное, сейчас можно и поразмышлять, поплакать сердцем, погоревать над судьбой общей и своею, но откуда же эта личная “безвинность”, эта самоуверенность “пророка”, среди обманутых и обездоленных? Это и есть - чуждость.

В длинном стихотворении “Русские коалы” Евтушенко выговаривает русскому: “Мой современник-содремник, глаза спросонья лишь на треть ты протираешь, как мошенник, - боишься чище протереть. Нет, дело тут не в катаракте. Граждански слеп ты не один. Виной твой заспанный характер, мой дорогой согражданин. Почти нельзя прощупать пульса общественного на руке. Ты от “Авроры” не проснулся. Ты - в допетровском столбняке. Очухивался ты в кальсонах, когда пожар кровать глодал. Марксизм был для тебя как сонник: ты по нему не жил - гадал. Мартены, блюминги, кессоны - вот племя идолов твоих. Ты жил физически бессонно, а нравственно -

трусливо дрых.

Когда ночами шли аресты и сам себе забил ты кляп, звучали маршево оркестры, как совести позорный храп. Такой сонливистый и зевкий, ты не проспять не мог войны. Ты прозевал шифровку Зорге под победительные сны. И членом армии чиновной всех носоглоточных капелл ты прохрапел во сне Чернобыль, “Нахимова” ты просопел. Нахальный аэрокуренок чуть Кремль не сшиб - все оттого, что был прошляплен он спросонок коалами из ПВО. А разве травлю Пастернака не ты проспал, бурча сквозь сон: “Я не читал роман, однако я им предельно возмущен”?. Ты дал медальку не задаром, ведя и свой медалесбор, малоземельным мемуарам на всеземельный наш позор”.

Верховный поклонник, не последний, будем надеяться, нестигаемого Евтушенко, Леонид Ильич Брежнев, тут лично заклеямен. Пристыдил автор и русский народ, указав ему на храпенье, лишь забыл - вокруг Брежнева, как вокруг Хрущева и Сталина, крутились не только русские люди. Злее осенних мух жужжали, прорываясь к ним из иного роду-племени... Если у Евтушенко одряхла память, пусть включит телевизор, “интернациональные выходцы” и ныне на экране, и ныне в моде, как в моде и сам автор стихотворения “Русские коалы” Евгений Евтушенко, “хороший парень”. Нравственно ли предъявлять счет народу, которым не менее чем другими народами заполняли тюрьмы Свердловы, бухарины, Каменевы, Сталины, Зиновьевы, микояны, Ждановы, маленьковы, молотовы, ежовы, кагановичи, ягоды, берманы, коганы, френкели, берии?

Мимикрия, игра “под кого-то”, имитация радости, героики, насильственное освоение языка - ведет ли этот путь к истине? Русского Пушкина от России не оторвать, а не русского Бродского к России не приставить.

Есть национальные черты и обязанности у слова, а совесть может потерять поэт, рожденный и в Рязани, где до сих пор звенит голос Есенина, как рыдание кукушки.

Как “интернационалисту” валить все промахи на один народ? Как сочинять стихи на русском, орать, что ты русский поэт, а ненавидеть русских? Умереть надо! Как неурядицы Пастернака сравнивать с трагедией Чернобыля? Чернобыль и Пастернак?!

Неискренность, чуждость, игра порождают безнравственную ситуацию: сегодня хвалю - завтра откажусь, сегодня назначаю - завтра расстреляю, сегодня защищаю - завтра отрекнусь. Конечно, у нас немало неподдельных писателей, идущих к народу, а не сюсюкающих перед ним, не огыгыкивающих его. Они возвращают нас из “творческого блуда” к дому на отчий порог. На наших глазах истаяли Федор Абрамов, Василий Шукшин, Олег Куваев, Василий Федоров, Владимир Чивилихин, Константин Воробьев, Юрий Селезнев, Анатолий Передреев, Иван Акулов, не смогли жить, видя беспощадное разорение России, удушение рек, лугов, убывание русских, да и не одних русских: посмотрите, что стало с народами Поволжья, Урала, Сибири, Севера!

Мы не забываем и тех, кто слепо восхвалял коллективизацию, слепо призывал к ликвидации “кулаков”, расчетливо разрушал национальное - умное, проверенное веками,

отобранное природой, взрывал храмы, оплевывал сказку, славу народа. Это они помогали строить лагерь, натягивать вокруг них колючую проволоку.

Не надо говорить за нас, за наш народ, не надо пытаться нас оттеснить, заменить. Мы сами за себя скажем, сами за себя ответим.

Слова великого русского поэта Александра Блока не устарели:

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, -
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой -
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

Сколько же тут взято “на себя, сколько же тут пережито, передумано о себе и других, о времени и Родине, о небе и Земле?

Вспоминаю 1984 год, осень... Кремль. Сверкающий зал. Нас, поэтов, прозаиков, публицистов, драматургов, критиков, - пруд пруди! Всех приглашают сесть. Садимся. Ждем. Долго, долго. Молчим. Возимся. Оглядываемся. Понемногу начинаем возмущаться. Долго ли так сидеть? Кого ждем? Себя ждем.

И, наконец, появляется маленький человечек с медленными жестами, медленной выправкой, медленным взглядом, медленным соображением: как быть? Маленький, хотя, говорят, в кабинете очень подвижный и решительный, иногда - даже большой. Серенький, в сереньком помятом костюмчике, вытаскивает из кармана пиджака серенький помятый платочек и медленно, медленно, в несколько затяжных приемов, начинает сморкаться. Сморкается минуту, две, три, четыре, пять. Зал чувствует насмешку, но, пораженный, еще боится отреагировать резкостью, еще не хочет верить, что над ним свободно, настырно, медленно издевается маленький, серенький человечек. Зимянин...

Вот он здоровается. Улыбается. Делает шажок по сцене. Зачитывает Указ о награждении “За развитие и выдающиеся успехи в советской литературе” огромного количества граждан. Писатели переглядываются, перемигиваются, кажется - лишь в эти минуты догадались, как всех их унизили серым списком, не имеющим границ и пределов.

Так нам и надо! Так с нами и следует обращаться: забыли свое достоинство, а

собираемся укоротить чужую самонадеянность? Я никого не упрекаю. Не считаю себя лучше Бродского или Галича, не советую хихикать или восторгаться по поводу претензий к Евтушенко.

В моем времени я избежал соблазна клеветать, отказался доносить, не научился зубоскалить, а своих мучений за свое время не избежал: они - тяжелы и постоянны, к тому же - еще в самом начале, ягодки - впереди!..

Надо не стесняться башкиру быть башкиром, русскому - русским. Надо не давить чужой язык, чужую культуру, землю, а помогать им, тогда иссякнет чуждость, желание и необходимость играть кого-то отпадут, на их место явится искренность, естественность и доброта.

Зачем застить Есенина Пастернаком или Бродским, Галина - Мандельштамом или Высоцким, пусть каждый стоит там, куда подала знак встать судьба. Утверждать утверждение - смешно, утверждать в заурядном величии - бессмысленное занятие, можно надорваться. Нынешние литературные наши баи, отяжеленные медалями и орденами, - жалкое зрелище: недаром так нудно, так невоспитанно при них сморкался Зимянин, понимал, с кем имеет дело.

Лев Толстой говорит: "А как бы я мог быть хорош и счастлив, ежели бы шел по той дороге, которую, вступая в жизнь, открыл мой свежий ум и детское, истинное чувство! Не раз пробовал я выйти из колеи, по которой шла моя жизнь, на эту светлую дорогу. Я говорил себе: употребляю все, что есть у меня воли, и не смог. Когда я оставался один, мне становилось неловко и страшно с самим собой".

Вспомним Лермонтова:

Великий муж! здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Хочется, чтобы наши дети кипели душою, когда того требует дело, требует время, не завидовали изворотливому и продувному, учась трудолюбию и терпению. И пусть Евгений Евтушенко остепенится: зачем так нервозно, так угрюмо ему поносить русских? А может, понося русских, Евтушенко не виноват, поскольку Евтушенко - Гангнус, а

Евгений Александрович Ганг-нус, понося русских, не виноват, поскольку он - Евтушенко? Такие дела! Кто же виноват? Псевдоним?

* * *

Однажды, день за днем переваливая в автомобилях через впадины и хребты Гоби, оторванные от русской речи, мы въехали дружно в захолустную гостиницу, поймали "Маяк". По радио передавали для соотечественников, тех, кто за рубежом, специальную программу. Грузинская музыка - великолепно. Украинская - великолепно. Литовская - тоже. И вот зазвучала Россия... Приемник захлебывался, откашливался, хрипел, блеял, взбрехивал, кукарекал. Плясали. Выли. Дундели. Кто? Русские?

Возможно - русские. Но какие это русские?

Стыдно было перед монголами, сопровождавшими нас. Они молчали, понимая наше смущение. А хрипы, оры, улюлюкания сотрясали комнату. Что же в них было национального, русского? Но выступали-то артисты, если их так можно назвать, русские: они объявлялись в эфир под русскими именами и фамилиями, летели в пространство русские слова, но изуродованные и омерзительные.

Почему я, русский, должен принимать их, эти слова? Почему я, русский, должен выносить антирусскую шабашню?

Тимур Пулатов, узбекский прозаик, пишущий на русском языке, вздохнул:

- Сколько вы, русские, будете терпеть позор?
- Сколько вытерпим! - ответил ему русский писатель Анатолий Жуков.
- А сколько вытерпите, не триста же лет? - засмеялся переводчик, монгол.

Пишу я, а сам заранее вижу, как, сутулый и дремотный от бумаг, от аккуратных очерков, мой друг-редактор поправил очки:

- Опять нарываешься?
- На что?
- На скандал!
- На какой скандал?
- А на такой, позабыл? Русским о русском лучше не говорить!..

Правомерно ли, разумно ли, не неряшливо ли в наше время упрекать тот или другой народ в том, что он недостаточно ретиво изучил марксизм, недостаточно ретиво следует его канонам? Если мы пользовались марксизмом вяло, “как сонником”, и виноваты за это, то что же, каких же упреков достойны англичане, среди которых несколько лет жил Маркс, а они так и не взяли его, Маркса, на ежеминутное вооружение?.. А что делать со шведами, американцами, израильтянами? Евтушенко разговаривает с русским народом, не соучаствуя, не сострадаая, Евгений Александрович поучает и журит народ, как автонарушителя поучает и журит инспектор ГАИ. А народ - это народ. Он - то Стеньку Разина даст, то - Пушкина родит.

Народ терпит, но все видит и не нуждается ни в продажно-самонадеянной защите, ни в озлобленно-снобистской демагогии.

Стоило русским писателям объединиться против отравления Байкала, вместе не согласиться с поворотом сибирских рек, выразить возмущение разрушением русских памятников культуры, тут же - ярлыки: “националисты”, “шовинисты”, “фашисты”. Как похожи они на те ярлыки, введенные в обиход при Троцком, Свердлове, Ягоде, Бухарине! Похожи и на более “современные” - “почвенники”, “деревенщики”, “славянофилы”, “монархисты” и прочее. Стоило Бондареву, Белову, Распутину, Алексееву, Иванову, Проскурину повернуться в сторону русской тревоги, посыпались насмешки, оскорбления, клевета, наветы. Кроссворды - и те “разоблачают” Бондарева, так захвачено русское слово, а кем?..

Несчастное общество “Память” - общество “дураков, мракобесов, бандитов, идиотов, пьяниц, грабителей”, стыдно читать! Такое впечатление, что провокаторов специально выставляют за общество “Память”. Правда, нахальная и безразборная брань в адрес “Памяти” дает обществу новых и грамотных сторонников, а России - новых надежных тружеников, патриотов...

Все неразберихи, аварии, голод, холод тот же Евтушенко кладет на совесть русского человека - коала, ленивца, австралийского зверя, любящего поспать, повиснуть на чужом “хребте”, но разве в армейских казармах, академиях, разве в творческих союзах, институтах, министерствах, на полях и заводах одни русские? Далеко не так!

Программы, научные революции, рекомендации, решения, обещания, даже концерты КВН делаются лишь русскими? А уезжают, диссидентствуя, выступают по радио, в газетах, телевидению только русские? Почему русский человек в стихах Евтушенко один отвечает за всех, виноват один во всем? Тенденция эта у нас то спадет, до невидимой грани, то вновь поднимается, когда находятся ее сторонники, прячущиеся за русскими именами, за русским болями...

Говорить пора об этом открыто, главно, не шепча. Считать, что русский - уже здорово, даровито - глупостью: есть столько русских графоманов в поэзии, в науке, в хозяйстве, где угодно! Но и вину класть на одних русских - преступление! Россия ныне доведена до погибельной ступени. Чуть в сторону от Подмосковья - Россия - обезлюдела, обнищала, разбежалась по городам, по республикам. Не от приятной атмосферы - довели. И

обратно бежит из республик - довели...

Почему же я за границей обязан, дома должен любить или презирать русского поэта Иосифа Бродского, который русский только потому, что пишет на русском языке? Почему же я должен уважать русского графомана только потому, что он - русский? Что русского в телевизионной песне:

Персональный компьютер,
Персональный компьютер,
Персональный компьютер,
Аэ, уа!

Вот она - чуждость, а с нею - жестокость самоуверенности: все можно, все вынесут аборигены!..

Чуждость - безответственность, она не знает меры ни в чем. Евтушенко, игриво сравнивая неурядицы поэта с аварией, перетаскивает трагедию века - Чернобыль к поспешному пьедесталу бессмертия Пастернака, за нетрезвую брань Хрущева бранит русский народ, мол, потому и "марксизм был для тебя как сонник: ты по нему не жил - гадал". Да, русский народ виноват: надо ежеминутно зазубривать марксизм и, не отвлекаясь на секунду, по нему двигаться с утра до ночи вперед. Соответствующую "дебилизацию" марксизма пытались насаждать Троцкий и Бухарин пулями и кровью, но зачем Евтушенко винит народ, относящийся к марксизму нормально, "со здоровым" смыслом?

Если взять и обвинить во всех грехах тяжелых татарский народ, неужели татары не обидятся? Или обвинить во всех наших жестокостях еврейский народ, разве евреи примут это? Почему же русский человек должен принять за истину рифмованный донос Евтушенко?

Сейчас имя Евтушенко похоже на стенобитный таран, бревно, которым космополитическая орда пробивает русские крепости, а он сам, визжа от восторга, бежит впереди. Выступил против Бондарева, Белова, Распутина, Астафьева, Викулова, Кузнецова, Алексеева, Иванова, "Памяти", выступил, вроде имея на это какие-то свои причины, личное мнение, но суть выступлений - назойливо антирусская.

А способность схватывать "на лету" и Руста, и взрыв атома, и марксизм, и сонного русского коалу из ПВО, и шифровку Зорге, когда дороженька ко всему этому открыта, - доблесть невеликая. Суеты много. Замечательный человек духом и нежностью Михаил Львов: он благодарил Бога за русскую речь, за русский мир творчества, коль уж так сложилось, что он, татарин, оказался поэтом русским, а не татарским, по не зависящим от него обстоятельствам. Благодарное отношение к любой речи, любому языку любого

народа - главный признак подлинности личности, природы и дарования.

Давайте дадим, думал я, отчет перед народами: сколько у каждого народа, населяющего Советский Союз, кандидатов наук, докторов наук, академиков приходится на тысячу человек, сколько и каких национальностей представители творят нам общую историю, право, науку, музыку, литературу, театр, журналистику, дипломатию и т. д. Давайте! Но уже дали - русские на одном из последних мест. Значит, по Евтушенко: русские - коалы, бездари?..

Сталин - грузин. Берия - грузин. Но разве Грузия одна должна нести ответственность за их палачество? Ягода - еврей. Менжинский - еврей. Ежов - еврей. Каганович - еврей. Но разве еврейский народ должен отвечать за их злодеяния один? Израильские оккупанты замуровали палестинца в стенах его же дома за то, что он бросил камень в солдат. Но разве все израильтяне виноваты? Разве все немцы - фашисты? Где логика - выставлять русского виноватым во всем? За русского Молотова, за русского Маленкова, за русского Ворошилова русский расстрелянный Вавилов не виноват. Кто виноват, надо подумать, поизучать, разобраться и рассказать народам и государствам. Коли Евтушенко везде натывается на "русских фашистов", пусть не виляет перед еврейскими фашистами!..

Неужели сегодняшняя демократия и гласность - почва для сведения счетов между народами, для объявления мести и взаимного неуважения? Не раздирать узы, а укреплять их пришли мы и наши дети. А ведь дело дошло до того, что слова "дружба", "братство", "долг", "патриот", "Родина", "труд", "герой" кое-кто воспринимает тупо, как словесный хлам.

Мещанину из застойной рутины не нужен Есенин, ему подай певуна-хохмача, хохмача-трибуна, трибуна-анекдотчика: сунь его в вагон - хорош, выведи на сцену - годится, привези на пляж - в точку.

Ушла серьезность у иных из профессии, ушла серьезность у них из слова, ушла серьезность у них - из нрава:

Среди трех богатырей
Илья Муромец - еврей?..

Нерусский боится клейма национализма. Русский - шовинизма. Еврей - сионизма. Но есть те, кто ничего не боится. Ездят по странам, берут псевдонимы, представляют тот или иной народ, не получив на это согласия ни от одного народа. Ничего не боятся чурбановы и адыловы. Не стыдятся ни узбеков, ни русских, ни евреев.

Я, например, не желаю, чтобы за меня на моем родном языке сочинял стихи башкир,

еврей, татарин, грузин, не хочу, я им не поверю, не даст мне музыку моего слова башкир, не даст еврей, даст русский, а башкиру - башкир, еврею - еврей. Конечно, есть исключения, но куда мы торопим, куда мы гоним: нет наций, есть - советская общность, единый язык, русский! Зачем? Кто повелевал таким упрощением и укрощением народов? Русские?

Есть русские писатели, есть национальные, есть писатели, работающие на русском языке, русскоязычные... Но ведь это еще не значит, что мы, русские писатели, не нужны теперь, когда много русскоязычных. И все ли они нужны? Все ли могут заменить нас? Напрасно Евтушенко надеется.

Родясь в Башкирии, я никогда не посягал на их песню, в мыслях не отвергал ее, я любил ее, удивлялся ей, но пел свою, родную, материнскую, рос вместе с нею.

За времена репрессий, застоев, безличья мы довольно сильно покачнули фундаменты национальных культур. Надо их "ремонтировать", возрождать, в том числе - еврейский. Почему у нас нет места полнокровной государственно-национальной жизни евреев, еврейского народа? Надо им пособить доразвить во всех смыслах бытия свою автономную область, свою конституционную судьбу, а как иначе? Самостоятельность в союзе - обычная для наших народов дорога.

Не виноватить друг друга, а помогать друг другу быть самими собою - обязанность наша.

В 1950 году Евтушенко не сомневался:

Я знаю:

Вождю

бесконечно близки

мысли

народа нашего.

Я верю:

здесь расцветут цветы,

сады

наполнятся светом.

Ведь об этом

мечтаем

и я

и ты,

Значит,

думает Сталин

об этом.

Рассказывая о некоей фокуснице-аферистке, родной брат Евгения Евтушенко Александр Гангнус заметил:

“На телеэкране мы ясно видели, как сотрясается всем телом Кулагина, чтобы вращать стрелку. Тогда, 23 года назад, Студенцов и Скрынников потребовали у Кулагиной перестать шевелить “талией и бедрами”, после чего чудеса прекратили”. Аферистка использовала “грудной” магнит. Фокус - не фокус, обман.

Хочется продолжить мысль Александра Гангнуса: шевеление “талией и бедрами” и поэтам не пошло на пользу, “фокус” оказался банальной конъюнктурой.

Но, повторяю, винить некого - виноваты сами. От поколения к поколению идет ответственность, идет истина, и наша задача - увидеть ее.

Если Маяковский и Есенин рассчитались жизнью за социальное разочарование, то нам, пережившим их физически, ставшим намного их старше, непростительно забыть опыт неравенства:

А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется - и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам,
я - бесценных слов транжир и мот.

Транжир-то транжир, даже мот, но слова-то его - в цель, с любого, малого или большого, расстояния - в цель! Нетрудно уберечься от грубых просчетов поэту, не менее трудно уберечься от них руководителю.

Кулаков увозили, угоняли, сажали, и все - за их огород, за их луг, за их поле, дававшее им урожаи, кормившее их детей. Зато никого не тронули за уничтожение храмов, сел, рек, морей, плодородной земли, брошенной плотинам и осушениям на распыл, никого. Даже за Арал никого не покритиковали путем, даже за Байкал никого не наказали. Вот и думай, кто мы, чьи мы, куда движемся?

Красавицу Волгу заменили грязной цепью огромных болот, а Сергея Есенина разве не заменим? Вместо него хватит одного Джека Алтаузена или Александра Кушнера, вполне хватит! Поэтому и Бродский - гений. Поэтому и Галич - гений. Потому и Высоцкий - гений. Гениев, как сорняков, много! Убегут они в Италию или в Америку - там переполох и шум. Прибегут оттуда назад - у нас переполох и шум. Там они в рекламном почете и у нас они в рекламном почете. Вот молодцы!

В застойные времена кому хорошо? Тому, кто не перебегает границ Родины, охраняет их, работает у станка, склоняется над чертежом, сидит с ребенком, стоит в очередях - от Москвы и до Камчатки. Хорошо - манси, русским, грузинам, туркменам. А тем, спешащим в международные аэропорты, спешащим с толстощекиными чемоданами, наполненными паюсной икрой и малоодаренными рукописями, - плохо. Надо икру торгануть, рукописи пристроить, наш ВААП не всех их успевает удовлетворить, ублажить. Впрочем, старается, забывая Абрамова, Чивилихина, Федорова, Акулова, Ручьева, не до этих русских писателей ВААПу! ВААП - для обидчивых, для капризных, отлетающих в Израиль, Канаду, США, Францию. Чем Войнович хуже Герцена? Ничем. Его Чонкин - второй "Колокол"... Да и сам Войнович не ниже Салтыкова-Щедрина...

* * *

Москва не забудет, Россия не забудет - поработали вдосталь Хрущев и Каганович над усовершенствованием и облагораживанием столицы: все, что могли, где могли, разворотили, снесли, сравняли. На месте храма Христа Спасителя чадит теперь сырая чертова пасть. Чуть не при каждом "Входе" и "Выходе" метро столкнут в неизвестность памятник, знак, символ истории, славы.

Никита Хрущев впер, вломил Дворец съездов в Красный Кремль, урезал великолепие Кремля со стороны Троицкой башни, а туда, к набережной Москвы-реки, двинул похожую на сотни западных гостиницу "Россия", сдавив горло маковкам соборов на Китайском проезде, сузив перспективу за Кремлем, отстриг размах левого его крыла. После Никиты Красный Кремль - однокрылый, без величавого полета, Кремль-инвалид... Впрочем, у Хрущева были советчики.

Хрущев и сегодня для них - святой, нужный, необходимый. Опираясь на него, они выглядят перед нами нормальными людьми, без разгромных аджубеевских статей, без указующих его заявлений, без межгосударственных застольных опохмелий и распутинского блуда. Сегодня и Аджубей - репрессированный. Сегодня и Фурцева - тишайшая покойница. Сегодня и Евтушенко - реабилитированный. Сегодня и сын

Хрущева, Сергей, - борец за демократию и гласность.

Сергей пишет, сам пишет, как он бегал по охранникам и агентам, звонил министрам и генералам: пытал, начали или еще не начали спихивать отца, новатора, равного в своих преобразованиях Петру I. Но жаль, народ, кроме Сергея, Сережки Хрущева, не осознает новаторства Никиты, а проклинает Никиту за кукурузу, за совнархозы, за американскую химизацию, за раздаривание отчих земель, за настырное снижение зарплат, за еженедельные воровские надбавки на цены, за дурь, “галошную”, на трибуне ООН, за опостылевшее реченедержание, длившееся без перерыва и роздыха, за наглую пустопорожную говорильню.

Никита Сергеич, как-то набутылясь, свалился, с микрофоном в руках, на сцене, осуществляя встречу со студентами-африканцами в Москве. Падал медленно. Был еще крепким, хотя уже перед пленумом, упал. Повозился, повозился и, не выпуская микрофона, распутывая шнур, чисто и откровенно выругался, сматерился, понужая себя к вставанию.

Сергей Хрущев, тогда Сережа, мальчик-конструктор, воспитанный и храбрый, догадался: Политбюро ЦК КПСС решает снять баламута, а Сережа не соглашается, ищет выход из политического тупика. Ведь должность папы - их с мамой должность, с мамой, с Аджубеем, со всеми, кто предан правде и Никите Сергеевичу.

А Никита Сергеевич еле встает. Хоть и упал, да не ушибся, хоть сматерился, да не онемел, и - закатил пятчасовую речь, такую - студенты повываливались из кресел!..

А кто мог запретить разбой? Сами взрывали. Сами себе водружали статуи на скалах. Врагов искали в чужом и терпеливом народе - находили миллионами. Чем объединить людей, как не страхом? Страх - подвижнее воды. Страх - устойчивее снега: не растает, не утечет, а надолго осядет в человеке.

И почему бы не переиначить учебники, карты, древние пути? Разве Самуил Маршак бездарнее Лермонтова, а Михаил Светлов - Пушкина? Нет. Так же как Александр Безыменский и Маргарита Алигер. Эти в пролетарской массе воют, сражаются за интернационализм, как Эренбург и Пикассо, Кирсанов и Неруда, отучают своими бодрыми произведениями народ от упаднического Достоевского, богомольного Лескова, “мужиков-ствующего”, как сказал Бухарин, Есенина.

Настойчивым надо быть, а талантливых у них - навалом. Вон Коган в “Думе про Опанаса”, у Эдуарда Багрицкого, пришел на Украину и давай крестьян учить порывам эпох, давай подсыпать пахарям и сеятелям политического жару, быстро забежали, заскучали по степям аборигены!.. Великое берут нахрапом, с наскака, и перчатки белые - не для атакующих, а для томящихся придворных барышень.

Однажды я заметил:

В понедельник - когорта наших газет посвятила статьи или же комментарии к портрету

великого поэта Бориса Пастернака. Во вторник - газеты шумно заговорили о великом поэте Иосифе Бродском, получившем Нобелевскую премию. В среду - рассуждали о великом артисте, певце, мыслителе и страдальце Владимире Высоцком, требуя памятник ему и музей на Таганке.

В четверг - на страницах тех же газет замелькали фотографии Александра Галича, сопровождаемые подписями-всхлипами: ах, кого Россия потеряла, простоволосая дуреха, даже лежит Александр Галич не в центре Москвы, а на чужбине, далеко от милой России.

В пятницу - оголтелая когорта подробно отображает бои Осипа Мандельштама, уже, с их позволения и коронования, классика, с вождем и полководцем племен и народов Сталиным. Задирается Осип Мандельштам первый, потом гневается он, Сталин. Осип, русский классик, срочно пишет примирительно-угодническое стихотворение, но, как доказывает критика, данное угодничество - бунт, и опять против Сталина, опять Осип наносит сокрушительный удар по Сталину, и снова - повторение мятежа, баталии, визг, позорящий скорбную судьбу Мандельштама.

В субботу - в Доме литераторов перед поклонниками выступает Наум Коржавин, вознесенный до небес корешами, сумевшими спастись в России, когда неистовый Наум Коржавин уехал, не снеся ига издевательств, неправд и маеты. Но вдруг из Тель-Авива, или Техаса, из обетованного рая, Наум Коржавин обратил тоскующие очи на серую Россию, прилетел, уважил нас, русских. Да, русскому Науму Коржавину, как Ивану Тургеневу, невозможно коротать годы в разлуке с Россией, нет у них сил удержаться, сел в самолет - и дома, в "Цедике", - так зовут они свой Дом литераторов...

В воскресенье - общий, хоровой гвалт когорты данных газет, во славу названных мною имен, гвалт по радио, по телевидению, гвалт со сцен библиотек, институтов, дворцов культуры, школ... Нормально ли такое? Добровольно ли такое творится? Нужна мощная организация! И она - есть!..

Неужели, чтобы о тебе шумели центральные, областные и районные газеты, надо родиться Наумом Манделем, стать Коржавиным (либо кем-то другим - не в Коржавине дело), писать на русском языке, ненавидеть русское, выть о русском в закордонье, издавать антирусские листки, организовывать уголки русской культуры за рубежами России, носить русские псевдонимы и подменять русских на земле, на воде, на небе?

А куда девать самих русских: их композиторов, художников, их ученых? Отправлять - в дояры, в маляры, в шахтеры? Они будут находиться при деле, некогда да и незачем им тосковать по прекрасному и родному! А куда девать еврейский народ и его древний язык у нас, в СССР? Куда? Кому поручить тысячелетнюю историю евреев? Русским? Узбекам? Татарам? Немцам? Арабам? Кому?

Лев Давыдович Троцкий произносил: "Нельзя армию строить без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. Надо оставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади". И

еще добавил, ликуя: “Чтобы победить белых, мы ограбили всю Россию”...

Да, чужому чужое не жаль. Сколько в словах Льва Давидовича кровавой самоуверенности! Пришел - назначил, наказал, - расстрелял, пустил за “общее классовое” дело в расход. Не надо знать чужие боли, чужие муки, чужие привязанности, чужие пляски, чужие песни, не надо: сами сочиним, спляшем, споем, ведь расстреливать чужих не жаль, почему же будет жаль искажать их слово, их музыку? Наша - лучше, наша - новая, наша! А имена - пригодятся. Звучные имена!

Кто обязан жалеть чужие памятники, чужие храмы, жалеть чужих заключенных, чужие родники и реки, чужое здоровье, чужое наследство? И лучшая популярность - охаивание России, когда ты за границей, когда ты за столом у тех, кто подкармливает сбежавших до тебя. Лев Троцкий уничтожал, рассказывал, раскрестьянил - ничего: отпустили, да еще прихватил с собой вагоны добра, а тут покритиковать русских нельзя, - чушь!

Счастливо получившая в свои гены брызгу Толстых, молодая писательница Татьяна Толстая так жаловалась западным читателям на Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Василия Белова, Петра Проскурина, Михаила Алексева, Анатолия Иванова по радио “Свобода”, что ее, бедную, было стыдно слушать: и неумехи-то они, и неграмотные-то они, и внеисторические, а она - колосочек “интеллигентной интеллигенции”, ковылинка!.. Дай такой волю - хлеще Льва Троцкого понатворит.

Ложь имени, подмена имени, ложь дела, подмена дела, призвания - жестокость эгоистической древней жажды - быть впереди, быть в сытости и тепле, а цена - нуль, платят другие народы, другие люди. Не об этом ли у Маяковского:

Пей, Даша!
Пей, Паша!
Все равно
за вас
заплатит папаша.

Платит народ. Платит - рублем... Платит - кровью... Платит - нищетой... Но, оказалось, нахрапистость, садизм, преступление, запущенные в чужой народ, возвращаются к тебе, мажут кровью тебя самого, грозно бегут к источнику, откуда запущены.

Мессия-Троцкий собрался наставлять Новый Свет, Америку, как наставлял Россию, на путь истинный, - и убили! Дикари. Так и остались жить с недоразвитым вкусом. Яков Михайлович Свердлов, наверное, ни разу не усомнился, вынося приговоры “красного террора” тысячам безвинных, что народ сохранит к нему неистребимую ненависть, передаст ее в поколения, потомкам, воссоздаст истинное его лицо - лицо

карлика-палача.

Не думал и Леопольд Авербах о пуле, припасенной ему его же судьбой... Не думал и не гадал Владимир Высоцкий, что его заблатненное творчество накрепко сольется с тюремным потолком несчастных безымянных блатных импровизаций, вместе с Владимиром Высоцким достойно завершивших лживое, обрюзгшее, пьяное, застойное время брежневщины, берущее начало из черной ямы менжинско-ягодо-бериевских кошмаров:

А у тебя самой-то, Зин,
Приятель был с завода шин.
Так тот вообще хлебал бензин,
Ты вспомни, Зин?

Или его закусочное и циничное:

Ого, однако же, гимнасточка,
Чего творит, хотя в летах.
У нас в кафе молочном "Ласточка"
Официантка может так.

Или - не это ли для Татьяны Толстой интеллигентно:

Как, Вань, а Лилька Федосеева,
Кассирша из ЦПКиО?
Ты к ней все лез на новоселий,
Она так очень ничего.

Скажете, разве Владимир Высоцкий не Сергей Есенин? У Есенина была Айседора Дункан, а у Высоцкого - Марина Влади. Есенин ездил с Дункан по миру, и Высоцкий ездил с Мариной Влади по миру. А ведь находятся люди, есть даже критики, считающие, что Владимир Высоцкий, весь, не стоит и одного есенинского стихотворения! Неучи. Высоцкий даже телефонистку зарифмовал. Высоцкий, как пишет Марина Влади, за отопительные трубы, для собственного домика, давал концерты в подвалах московским

слесарям. У Есенина не воровали стихи, а у Высоцкого воровали. Добро бы - свои, но воровали чужие, не наши, не советские проходимцы:

“Однажды вечером ты возвращаешься поздно, и потому, как ты хлопаешь дверь, я чувствую, что ты нервничаешь. Я вижу тебя из кухни в конце коридора. Ты бросаешь пальто, кепку и большими шагами направляешься ко мне, потрясая какой-то серой книжкой: “Это слишком! Ты представляешь, этот тип, этот француз - он все у меня тащит! Он пишет, как я, это чистый плагиат! Нет, ты посмотри: эти слова, этот ритм тебе ничего не напоминает? Он хорошо изучил мои песни, а? Негодяй! И переводчик мерзавец, не постеснялся!”

Мне не удастся прочесть ни слова, ты очень быстро пролистываешь страницы. Потом начинаешь ходить взад-вперед по квартире и, ударом ладони подчеркивая рифмы, ты цитируешь мне куски, которые тебя больше всего возмущают. Я начинаю хохотать, я не могу остановиться. Задышавшись, я, наконец, говорю, что от скромности ты, по-видимому, не умрешь и что тот, кто приводит тебя в такое бешенство, не кто иной, как наш великий поэт, родившийся почти на целый век раньше тебя, - Артур Рембо”.

Смешно. Не правда ли?.. Можно лишь догадываться, сколько наворовали-нахапали иностранные лирики у Бродского и Галича, Коржавина и Высоцкого. Сами творить не умеют - обирают русских...

В книге “Владимир, или Прерванный полет” Марина Влади чуть ли не постранично упрекает Высоцкого за беспробудное пьянство, за срыв спектаклей, за перевертывание на автомобилях и проломленную голову, упрекает за маразматичный вход, вползание на четвереньках, после обильного коньяка, в православный храм Грузии, тяготеет классической “атрибутикой” классического наркомана: ампулами, морфием, атабусами, марихуаной, болезненными рвотами барда, его бредовыми “вдохновениями” и устрашающими взвинченностями.

Неужели так? Трудно поверить! Хотя поток его голоса и его острот, замешанных на тюремных афоризмах и чифирной философии, нетрезво густ и нетрезво хрипчив. Я всегда проповедовал: бард - бард, и его надо воспринимать “в комплексе”, и голос, и жест, и гитару, и слово. Отдельно - стихи Высоцкого неряшливы и хамовиты, а вместе - даже и чифирная копоть не отвращает, усиливает рельеф творческой биографии “нестандартной фигуры”, соприкасает Высоцкого с европейскими ухарями.

“Мы прогуливаемся в кроваво-красном освещении заходящего солнца среди храмов, заросших тропической растительностью. Расчистили только огромную, почти вертикальную лестницу. Ты одним махом взбираешься наверх и спускаешься с ловкостью акробата, отбивая чечетку на стертых ступенях”.

Правильно, чечетку. Можно и похрипеть под гитару. Храмы же!..

Долго и много Марина Влади возила барда по миру. Показывала ему Азию, Америку, Европу, пока где-то там, на Западе, не привела его к величайшему русскому поэту

Иосифу Бродскому, - вот уж они, два славянина, два русских витязя, поговорили о России, о русской тоске, удали и недоли!

Дома-то поговорить не успели. Дома-то и без них русские встречаются, а тут нет, тут только они русские... Да и сама Марина Влади, верная жена у Высоцкого, - все свои свадьбы забыла перед тем, как сыграть свадьбу с Высоцким.

Высоцкий - Есенин сегодня, только не сельский, а столичный:

Мишка Шифман башковит, - у него предвиденье.
Что мы видим, говорит, кроме телевиденья.
Смотришь конкурс в Сопоте и глотаешь пыль,
А кого ни попадя пускают в Израиль.

Или такие вот штучки, веселые, оригинальные, незабываемые:

Мишка также сообщил по дороге в Мневники, -
Говорит: - Голду Меир я словил в радиоприемнике.

С такой "тюремной баланды", с такой "барачной жижи" не слышать звонкое, голубое и нежное, не раскаться, не застонать:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым!
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Зачем Сергей Есенин назвал в поэмах имена Троцкого, Зиновьева, Бухарина, если не благоговел перед ними? Значит, и Сергей Есенин - "врио" (это некто Воздвиженский со

страниц “Юности” подал голос), не тот - не великий, как Пастернак, Бродский, Галич, Коржавин, Высоцкий, Мандельштам?

Сергей Есенин называл их, эти имена, искренне, пока не ужаснула его чужая, катящаяся по России казнительная жестокость.

Известно, что Авербах доводился родственником Троцкому и Ягоде, а Каменев был женат на сестре Троцкого. Горький, испытывая постоянную травлю со стороны Зиновьева в Петрограде, не мог найти поддержку у Каменевых в Москве, а значит - в Кремле: Каменев, большевик видный! Вот как сказал об этом в то далекое время известный русский поэт Владислав Ходасевич в записке “О Горьком”, опубликованной у нас лишь 12 марта 1989 года в газете “Советская Россия”:

“Помимо личного раздражения в словах Каменевой, может быть, следует расслышать отголосок другой, более упорной и деятельной вражды, несомненно сыгравшей важнейшую роль в жизни Горького и в истории его отношений с Советским правительством. Я имею в виду нелады с Григорием Зиновьевым, всесильным в ту пору комиссаром Северной области, смотревшим на Петербург, как на свою вотчину.

Когда и почему и как начали враждовать Горький и Зиновьев, я не знаю... Зиновьев старался вредить Горькому, где мог и как мог. Арестованным, за которых хлопотал Горький, нередко грозила худшая участь, чем если бы он за них не хлопотал”. Леопольд Авербах изматывал не только Платонова, авербаховцы “разделяли под орех” Серафимовича и Шолохова, и вокруг них - широко “охватывали” русских “писателей-шовинистов”!.. Современным продолжателям поиска “черносотенцев и шовинистов” ходить за уроками куда-то нет надобности: своеобразная “хрестоматия оярлычивания” - перед носом...

Конечно, Сергей Есенин - шовинист. И русский народ - шовинист. Только твердолобый народ-шовинист поставит в центре своей столицы памятники Марксу, Свердлову, Дзержинскому, Энгельсу, Димитрову, Воровскому, чуть в стороне - Тельману, Зорге, и чуть в стороне - Махатме Ганди, Индире Ганди, назовет именами зарубежных прогрессивных деятелей сотни городов и поселков, тысячи улиц, клубов, заводов, фабрик. Только народ-шовинист.

Только народ-шовинист не отметит в Москве памятником имя своего спасителя - Дмитрия Донского, только народ-шовинист будет медлить и с памятником бессмертному полководцу - маршалу Георгию Константиновичу Жукову.

А имена сбежавших и полусбежавших, склоняемые ежедневно в газетах, по радио и телевидению, имена, набившие нам оскомину, называют люди-интернационалисты, объективные люди, широкие, не групповые, не клановые... Помолчали бы, погодили бы с упреками ретивые критики, оседлавшие газеты и журналы ради раздражения, ради скандала, ради межнациональной грызни, помолчали бы!

Дутое, наглое пророчество Льва Давыдовича Троцкого закатилось, а созданная им

теория и модель лагерей обернулась миллионами жертв культа личности.
Безнаказанная самоуверенная тяга руководить, сочинять, исполнять за других, не за себя, а за чужой народ - падет и не принесет сеятелям лжи ни равновесия, ни покоя.

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси,
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Пусть злобствующий имитатор еще раз прочитает эти строки Сергея Есенина,
действительно великого русского поэта, и, может, поймет: подражать русскому
человеку, видимо, не сложно, но быть русским - сдвигать скалы!..

1987-1989